

Александр Иванович Куприн

Первенец

Александр Куприн

Первенец

«Public Domain»

1897

Куприн А. И.

Первенец / А. И. Куприн — «Public Domain», 1897

«Это случилось в Москве. Мне только что минуло семнадцать лет – возраст, в котором жизнь литератора представляется торжественным путем к славе, усыпанным розами и лаврами. Вступить на этот путь казалось мне верхом счастья, доступного смертному...»

© Куприн А. И., 1897

© Public Domain, 1897

Александр Иванович Куприн

Первенец

Это случилось в Москве. Мне только что минуло семнадцать лет – возраст, в котором жизнь литератора представляется торжественным путем к славе, усыпанным розами и лаврами. Вступить на этот путь казалось мне верхом счастья, доступного смертному.

Я теперь не помню ясно содержания моего первого рассказа. Если не ошибаюсь, в нем говорилось о том, что было прекрасное майское утро, что молодой и красивый человек, по имени Вольдемар, влюбился в это утро в девицу Людмилу, исполненную необыкновенных достоинств, и что девица Людмила изменила самым коварным образом Вольдемару ради кавалерийского офицера. Рассказ назывался «Ранние слезы».

Переписав «Ранние слезы» по крайней мере раз восемь, я отнес их поэту Венкову, который часто бывал у нас в доме и благоволил ко мне. Поэт Венков писал одновременно почти во всех русских газетах и журналах и обладал изумительной способностью повсюду втискивать гражданскую идею. Если он описывал грозу, то непременно в конце стихотворения выражал надежду, что и над дорогой родиной когда-нибудь «разойдутся нависшие тучи». Вид водопада напоминает ему плененную мысль, разбившую насильственные окопы.

Я и теперь совершенно точно припоминаю его характерную физиономию: яйцевидное лицо, все изрытое оспой и постоянно склоненное набок, жиденькая, беспорядочная, трясущаяся борода песочного цвета, длинный нос, подслеповатые глаза и высокий конический лоб, по обе стороны которого падали на плечи прямые редкие волосы. Он никогда не присаживался и постоянно ходил по комнате из угла в угол, причем так широко и смешно расставлял свои кривые ноги, как будто бы находился на палубе корабля во время бури. Если же это бывало дома, то, сделав три-четыре конца от одного угла до другого, он каждый раз подходил к небольшому шкафчику, отворял его, доставал оттуда графинчик с настойкой и две рюмки (одну для себя, другую для собеседника), пил со страшными гримасами на лице и, спрятав настойку обратно в шкаф, продолжал ходить своей морской походкой по комнате.

Иван Лиодорович принял мой рассказ очень снисходительно и обещал куда-нибудь пристроить, хотя наверно не ручался за успех. Но и этого туманного обещания было для меня гораздо более чем достаточно.

Однако прошел месяц, и другой, и третий, рассказ давно уже находился в редакции «Московского иллюстрированного листка», а между тем судьба его была покрыта мраком неизвестности. Вероятно, за это время я порядком-таки надоел бедному Ивану Лиодоровичу. Каждую среду и субботу – нас по этим дням отпускали из училища домой – я неизменно являлся к нему. В моих глазах он всегда читал один и тот же жадный вопрос и ничем не мог меня успокоить, кроме неопределенных увещаний, что «надо подождать, потерпеть... нельзя же сразу... Редакция прямо завалена рассказами». Ужасные слова: редакция завалена рассказами! Но ведь то другие, посторонние, неинтересные рассказы, а не мои «Ранние слезы»...

Счастье пришло, как и всегда оно приходит, в то время, когда я всего менее ожидал. Однажды в воскресенье я был оставлен без отпуска за единицу, полученную мною по предмету военной фортификации (наука, одно название которой и теперь еще заставляет меня вздрагивать). В девять часов вечера стали один за другим являться отпускные юнкера. Кто-то сказал мне – я в то время был в курилке: «Калинин пришел из отпуска и ищет вас». Меня это сообщение немного удивило: с Калининым, хлыщеватым и глупым малым, мы до сих пор почти ни разу не разговаривали. Зачем я мог ему понадобиться?

Мы встретились на лестнице, ведущей из курилки в роту. В руках у Калинина был длинный бумажный сверток.

– Пэслушайте, – сказал Калинин, коверкая, по обыкновению, фатовским манером свою речь, – кэкой-то «шпак» (на нашем языке это означало штатский) просил меня передать вам вот эту штуку.

Он сунул мне в руки бумажный сверток.

– Какой шпак? – спросил я, сконфузившись за «шпака».

– Не знаю... Дэвольно гнусного вида... Остановил меня на улице и спрашивает, не знаком ли я с вами. Я говорю – знэком. Так передайте, говорит, п'жэлста.

Сверток издавал сильный запах типографской краски. Сердце замерло у меня в груди от какого-то сладкого предчувствия. Я нетерпеливо развернул бумагу и увидел два номера «Иллюстрированного листка».

Впоследствии нередко были в моей жизни моменты очень большого счастья. Но еще ни разу до сих пор не испытывал я такого сильного наплыва восторга, как в ту минуту, когда мои глаза увидели эти правильные строчки черных букв, отчетливо напечатанных на белой глянцевицей бумаге. Припадок обуявшей меня радости носил даже несколько дикий характер, и я не сумел ее выразить не чем иным, как безумными скачками через пять ступенек сразу. Прибежав в спальню, я продолжал бесноваться, прыгая через кровати и табуретки. Наконец, успокоившись немного, я опустил вниз висячую лампу с контрабажуром и развернул «Листок»... Но строчки прыгали перед моими глазами, и буквы сливались в черные полосы.

Нужно было во что бы то ни стало поделиться с кем-нибудь моей радостью. Увидав кого-то из более мне близких товарищей, я бросился к нему:

– Посмотри... вот здесь... в журнале... мой рассказ напечатан.

Я задыхался от волнения. Что же касается до него, он изумился и обрадовался гораздо менее, чем я ожидал.

– Ну? Неужели? – спросил он довольно равнодушным тоном и протянул руку за номером.

Он стал читать, а я, обняв его сзади, заглядывал через его плечо в дорогие строки. Он читал довольно медленно. Какое-то ревнивое чувство вдруг овладело мною.

– Подожди, я тебе дам потом, я еще сам не прочел, – сказал я, вырывая от него «Листок».

Но едва я отошел от него, как потребность сообщить еще кому-нибудь о моем блаженстве опять неудержимо заговорила во мне. Я показал «Листок» по крайней мере десяти товарищам. Все они старались казаться заинтересованными, но, к моему великому огорчению, их участие не удовлетворяло меня.

Наконец вокруг меня собралась порядочная кучка оповещенных. Кто-то попросил прочесть вслух, и я начал голосом, прерывающимся от волнения и недавней беготни, с давно знакомой красивой фразы:

«Было прекрасное майское утро...»

Когда я кончил, слушатели выразили снисходительное одобрение.

– Интересно будет прочитать критику, – заметил чей-то уверенный голос.

Тем временем моя аудитория привлекла новых любопытных. Узнав, в чем дело, они тоже выразили желание послушать, и я во второй раз с тем же удовольствием прочел свое произведение.

И каждый раз, когда я снова начинал его читать, я находил в нем все новые красоты. Но мне и этого было мало. Я заставлял читать вслух других, а сам прислушивался с закрытыми глазами, стараясь вообразить себя посторонним человеком.

На другой день меня подозвал к себе Дрозд – мой ротный командир.

– Дайте мне сейчас то, что вы там намарали, – приказал он суровым тоном.

Я притворился непонимающим.

– Что такое, господин капитан?

– Там вы... чепуху какую-то написали в газетишке, дайте ее сюда... и без разговоров...

Нечего было делать: я принес ему один номер «Листка». Он развернул его и, ткнув пальцем в мои инициалы С. и М., спросил:

– Это?

– Это, господин капитан, – ответил я с гордым достоинством.

– Ступайте в карцер, – произнес ротный командир, разрывая драгоценный номер вдоль страниц. – И если это повторится в следующий раз, вы будете исключены из училища.

Я пошел в карцер. Поступок Дрозда с номером «Листка» хотя и возмущал меня до глубины души, но я уже знал и утешал себя сознанием, что двигатели просвещения всегда терпели и будут терпеть несправедливые нападки невежественной толпы.

Я отсидел двое суток, но мне не было скучно, потому что со мною был оставшийся в живых номер «Листка», и я читал свой рассказ запоем. Я даже прочел его вслух моему тюремному сторожу, сверхсрочному унтер-офицеру, который выразил свое одобрение восклицанием: «Ловко!»

С той поры прошло много, очень много лет. Я уже по опыту знаю, что на литературском пути гораздо более терний, чем роз, и, получая номер со своим произведением, не радуюсь ему, а спокойно считаю количество строк. Но в моей душе иногда шевелится жгучая зависть к тогдашней наивной радости и светлой вере.